

Балытников В.В.
кандидат юридических наук,
советник Конституционного Суда Российской Федерации,
доцент кафедры конституционного и административного права
юридического факультета Санкт-Петербургского филиала
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ОБЩЕСТВА

Общепризнанно, что в современном мире на наших глазах формируется новый цивилизационный тип человеческого бытия. На смену социуму индустриальной эры (когда-то сменившему доиндустриальный, аграрный цивилизационный уклад) ныне приходит постиндустриальное, информационное, электронное общество.

Почему имеет смысл говорить именно об электронном обществе? Ведь первые два из помянутых выше терминов имеют устоявшиеся традиции восприятия и использования в научных дискуссиях. Кажется бы, принцип «бритвы Оккама» должен в данном случае препятствовать «умножению понятий».

Думается, однако, что термин «постиндустриальное общество» показывает лишь сам факт наличия новой парадигмы развития человеческой цивилизации, приходящей на смену старой, индустриальной парадигме. Он мало что говорит о сути того, что ныне приходит на смену индустриальному социуму.

Что же касается понятия «информационное общество», то оно, разумеется, в определенной степени отвечает на вопрос о сущности нового уклада. Но содержит ли этот ответ указание на важнейший существенный признак «новизны» – на то, что будет являться основной производственной средой жизни постиндустриального мира?

«Такой средой станет информация» – говорят некоторые. Но является ли информация специфической для постиндустриальной цивилизации производственной средой? Информация, выражаясь языком информационного законодательства, представляет собой «сведения (сообщения, данные)»¹ или, иначе говоря – знания. Знания

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», статья 2, пункт 1.

же всегда, при любом цивилизационном укладе, были основой жизни человечества.

Специфику основной производственной среды постиндустриального мира определяет не информация как таковая, а электронная форма её существования (представления). Именно поэтому основной производственной средой жизни постиндустриального мира постепенно становится электронная среда («электронный», «сетевой», «виртуальный» мир). Необходимо отметить, что, подобно аграрной и индустриальной производственным средам, электронная среда вполне материальна, ибо она основана на определенном роде преобразованиях энергии как особой формы существования материи¹.

Итак, электронное общество, электронный социум... Но ведь электронному обществу в политическом плане, в плане строения государства как всеохватывающей политической организации общества, с неизбежностью будет соответствовать электронное государство². Неудивительно, что электронная среда уже становится (а вскоре – окончательно станет) основной средой осуществления важнейших государственных функций – правотворчества, применения права (то есть государственного управления) и правосудия.

Итак, «электронное правотворчество», «электронное управление»³, «электронное правосудие»... Что же является основной чертой, отличающей входящие в нашу жизнь электронные формы этих государственных функций от их привычных, традиционных форм?

А если задаться вопросом, чем вообще отличается деятельность, осуществляемая в электронной среде, от деятельности, протекающей вне её?

Человек, бесспорно являющийся крупнейшим в мире специалистом в этом вопросе, еще в 90-е годы дал на него ответ в заглавии своей самой известной книги.

Да, речь идет об основателе самой известной в современном мире компании «Microsoft» Билле Гейтсе и о его книге «Бизнес со скоростью мысли»⁴ («Business @ the Speed of Thought»). С учетом того, что слов «бизнес» по-английски вообще означает «дело», помянутый

¹ Недаром ряд исследователей ставит знак равенства между понятиями «электронное общество» и «информационно-энергетическое общество».

² Об этом см., в частности, *А.А. Тедеев, В.Е. Усанов. Электронное государство*. М. ЭЛИТ. 2008.

³ Распространенный термин «e-government» корректнее переводить с английского на русский не как «электронное правительство», а как «электронное управление».

⁴ *Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли*. М. Эксмо-Пресс. 2000.

выше ответ очевиден. В электронной среде прежде всего резко повышается оперативность действий, или иначе говоря, быстрота подготовки, принятия, оформления, передачи, и реализации (исполнения) решений.

Но часто ли мы задумываемся, за счет чего достигается это быстрота? Да, разумеется, очевидно, что «в первом приближении» вполне корректно будет сказать, что она достигается за счет многопорядкового увеличения скорости информационных потоков, или иначе говоря, скорости обработки (преобразования) информации. Но всегда ли мы понимаем, благодаря каким именно технологиям достигается это увеличение?

Электронные технологии – это, прежде всего, технологии шаблонов, форм и стандартов. Разумеется, сами по себе ни стандарты, ни формы, ни шаблоны (хоть обычные, хоть электронные) не несут в себе ничего плохого. Но необходимо понимать, что электронные технологии не только предельно технологичны, но и предельно технократичны. Рядовой современный пользователь электронных систем (в том числе и электронных систем, обеспечивающих взаимоотношения человека и государства) в большинстве своем ориентирован на модель поведения, исчерпывающим образом описанной в одной из ранних (еще конца 80-х – начала 90-х годов) песен известной отечественной музыкальной группы «Технология». «Нажми на кнопку – получишь результат». Между тем, значительная часть создателей, а самое главное – многие идеологи развития электронных технологий грезят идеями о том, что «сеть заменит человека в качестве великого общественного проекта», сетевой этикет «заменит собой закон и порядок», а каста нетократов (властителей глобальной информационной сети) примет «на себя функцию государства по контролю за соблюдением норм морали»¹.

Все это до боли напоминает известные всем «великие» тоталитарные идеологические проекты прошлого. Только теперь место «нового человека» или «сверхчеловека» занимает другой кумир – глобальная сеть. А ведь подобного рода «сетепоклонничество», по сути дела, открыто отрицающее человека как такового, грозит всем нам такими человеконенавистническими формами «электронного тотали-

¹ Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита... / СПб. Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге. 2004.

таризма»¹, перед которыми навсегда померкнут ужасы ГУЛАГа и нацистских «лагерей смерти»...

К сожалению, современная государственно-правовая наука и практика еще только вырабатывает рецепты предотвращения такого развития событий.

В Европейском Союзе (в некоторых странах-членах которого граждане осуществляют через электронные сети сотни операций по взаимоотношению с государственными структурами – от учета в режиме реального времени потребления воды, тепла и электроэнергии до голосования на выборах)² основной упор делается на максимальную децентрализацию и деконцентрацию информационных баз данных и электронных систем управления ими, на передачу как первых, так и последних во владение (под управление) юридических лиц публичного права, обладающих максимально возможной степенью автономии от органов государственной власти (автономных публичных организаций). Одновременно на государственном уровне предпринимаются попытки установить пределы «цифрового охвата» тех или иных сфер жизни и деятельности населения. Так, в Португалии (где еще свежи воспоминания о временах авторитарного правления Салазара) в свое время был даже установлен конституционный запрет (!) на введение для граждан единого цифрового идентификатора³.

Однако соответствующие нормы, очевидно, нацелены в большей степени на противодействие опасности со стороны государства и вряд ли способны защитить общество от олигархической «нетократии».

В Азии (в частности, в Сингапуре, где государство имеет не сотни, как в странах ЕС, а тысячи взаимно интегрированных электронных баз данных, ориентированных на обслуживание взаимоотноше-

¹ От того, что такой «электронный тоталитаризм» с гораздо большей вероятностью способен принять форму не единовластной «электронной диктатуры», а коллективной «электронной олигархии» легче никому не станет. История Великой Французской и Великой Октябрьской революций очень хорошо показала, что коллективное правление той или иной «касты» бывает не менее, а зачастую – и куда более террористическим, чем единоличное правление одного лица.

² Так, в Эстонии, занимающей в рейтинге Всемирного Банка первое место по уровню доступности электронных публичных услуг, их только на столичном уровне предоставляется более 500 (свыше 300 оказывают физическим лицам, около 200 – юридическим). (<http://svpressa.ru/society/article/33847>)

³ Часть 5 статьи 35 («Использование информации») Конституции Португальской Республики 1976 г.

ний человека и государства¹) многие специалисты в области e-government полагают, что защиту от «электронной олигархии» сможет гарантировать максимальное усиление ответственности за нарушение правовых норм, регулирующих жизнедеятельность в электронной среде.

Однако проблема состоит в том, что эти нормы в подавляющем своем большинстве носят внутригосударственный характер, тогда как электронная среда – явление по самой своей природе транснациональное (и соответственно, имеющее управленческие механизмы, в минимальной степени зависящие от государственных границ и внутригосударственных мер ответственности).

Наиболее интересным представляется опыт США, где еще в 1996 году федеральное правительство провозгласило, что перед населением страны стоит «вызов технологической грамотности» (Technology Literacy Challenge). Для адекватного ответа на него, по мнению американских властей, необходимо такое повышение общего уровня технологической грамотности, которое позволило бы доверить «эволюционное формирование информационного суперхайвея» (под которым в США понимают не только сеть Интернет, но и иные «общественные и частные сети, средства доставки и оборудование, информационное наполнение, штат профессионалов») обычным американским «индивидам и их сообществам»².

Согласно представлениям создателей Национальной информационной инфраструктуры США «каждый индивид» должен, ориентируясь на необходимость получения непрерывного электронного «образования в течение [всей] жизни», стремиться стать не только «активными пользователем», но и «создателем интеллектуальной собственности и информационных ресурсов». При этом правительственный Совет по вопросам Национальной информационной инфраструктуры в своих официальных рекомендациях указал, что в ходе формирования и развития любых информационных ресурсов необходимо,

¹ Об этом см., в частности: Сингапур строит "Электронное правительство 2.0" (<http://www.cnews.ru/news/top/index.shtml?2011/06/20/444561>). Столь значительное превосходство Сингапура перед странами ЕС в области количественного разнообразия информационных ресурсов e-government объясняется тем, что «европейская модель» электронного управления ориентирована на взаимодействие государства с гражданами, а азиатская – на взаимоотношения государства с хозяйствующими субъектами.

² Подробнее об этом см.: *Оганесянц Н.А.* Социальные задачи федерального правительства США в создании Национальной информационной инфраструктуры (http://ifets.ieee.org/russian/depository/v11_i2/pdf/7.pdf).

прежде всего, «удостовериться, что эти ... ресурсы продвигают заповеди американской конституции», а во вторых – «убедиться, что результатом» их включения в глобальную сеть станет «укрепление сообществ и более сильное чувство национального единства» Соединенных Штатов Америки¹.

Для нашей страны, как представляется, особенно актуальными являются во-первых, бесспорный постулат о необходимости подготовки надлежаще образованных членов электронного общества (способных быть не только потребителями, но и творчески ориентированными производителями информационных ресурсов), а во вторых – идея включения для достижения этой цели в электронное общество (в качестве ключевых его элементов) различных местных, региональных, общенациональных, профессиональных, культурно-этнических, корпоративных и иных сообществ, или, говоря отечественным юридическим языком, общественных объединений граждан. Ведь электронное общество, как и любое иной социум, нуждается в том, чтобы между его отдельными членами и обществом в целом стояли структурированные социальные коллективы, могущие эффективно представлять и обеспечивать интересы объединенных в их рамках людей.

Итак, в государственно-правовом плане в связи с формированием электронного общества (и связанными с ним вызовами) перед отечественными властными структурами и российским социумом в целом, встают задачи:

1. Создания и обеспечения эффективного функционирования всеохватывающей системы непрерывного электронного (дистанционного) образования всех членов электронного общества («электронное образование»).

2. Формирования действенных институтов и механизмов коллективной самоорганизации граждан и отстаивания ими своих прав в электронной среде («электронное самоуправление»).

Только надлежащий уровень творчески ориентированного всеобщего электронного образования (в обязательном порядке получаемого по принципу «век живи – век учишь») и надлежащим образом структурированного всеохватывающего электронного самоуправления (которое в определенных сферах должно стать не только правом, но и

¹ Там же.

обязанностью соответствующих категорий граждан¹) сможет защитить общество от «электронного тоталитаризма», «нетократии» и других подобного рода угроз.

¹ Подобно осуществлению местного самоуправления, которое, как неоспоримо следует из решений Конституционного Суда Российской Федерации и органов конституционного правосудия многих зарубежных государств, по самому своему существу является одновременно и правом, и обязанностью.